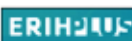

Чаунина Н. В. «Городской текст» в лирике Варвары Даниловой сквозь призму поэзии Серебряного века / Н. В. Чаунина, Н. В. Бараханова // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 1. — С. 313—326. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-1-313-326.

Chaunina, N. V., Barakhanova, N. V. (2022). “Urban text” in Lyrics of Varvara Danilova through Prism of Silver Age Poetry. *Nauchnyi dialog*, 11(1): 313-326. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-1-313-326. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-1-313-326

**«Городской текст» в лирике
Варвары Даниловой
сквозь призму поэзии
Серебряного века**

Чаунина Наталья Владимировна

orcid.org/0000-0002-8999-4800

кандидат филологических наук, доцент
кафедра филологии
chaunin@mail.ru

Бараханова Наталья Васильевна

orcid.org/0000-0002-5808-3799

кандидат филологических наук, доцент
кафедра филологии
nata.priwet@mail.ru

Технический институт (филиал)
Северо-Восточного
федерального университета
имени М. К. Аммосова в г. Нерюнгри
(Нерюнгри, Россия)

**“Urban text” in Lyrics
of Varvara Danilova
through Pprism
of Silver Age Poetry**

Natalia V. Chaunina

orcid.org/0000-0002-8999-4800

PhD in Philology, Associate Professor
Department of Philology
chaunin@mail.ru

Natalia V. Barakhanova

orcid.org/0000-0002-5808-3799

PhD in Philology, Associate Professor
Department of Philology
nata.priwet@mail.ru

Technical Institute in Nerungri
(branch of) M. K. Ammosov
North-Eastern Federal University
(Neryungri, Russia)

© Чаунина Н. В., Бараханова Н. В., 2022

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Представлены результаты анализа феномена «городской текст» в лирике современной эвенкийской поэтессы Варвары Даниловой. Актуальность исследования обусловлена интересом современного литературоведения к наследию малочисленных народов Севера. Новизна работы видится в рассмотрении особенностей создания «городского текста» в лирике В. Даниловой в проекции на поэтический опыт Серебряного века. Теоретическую базу составили труды В. Н. Топорова, Ю. М. Лотмана, С. П. Гурина, Н. В. Шмидт и др. Материалом для анализа послужили наиболее репрезентативные стихотворения сборников Даниловой: «Только ты...» (1992—1996), «Райский ад» (2005), «Лунная легенда» (2010), содержащие прямые или косвенные указания на присутствие «городской» семантики в заголовке, на уровне мотивно-образной структуры или в подтексте. Обнаружено, что «городской текст» в лирике эвенкийской поэтессы представлен как конкретными культурно-историческими реалиями, так и неким условным топосом, не привязанным ни ко времени, ни к пространству. Творческими ориентирами для Даниловой стали поэты Серебряного века, принадлежащие к разным литературным направлениям. Доказано, что В. Данилова создала уникальную авторскую модель «городского текста», в которой переплелись символистский, акмеистический и футуристический поэтические опыты и национально-культурное видение, обусловленное этнической принадлежностью автора.

Ключевые слова:

городской текст; поэзия Серебряного века; новаторство; эвенкийская поэзия; лирика; Варвара Данилова.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The results of the analysis of “urban text” phenomenon in the lyrics of the modern Evenk poetess Varvara Danilova are presented. The relevance of the study is due to the interest of modern literary criticism in the heritage of the indigenous peoples of the North. The novelty of the work is seen in the consideration of the features of the “urban text” creation in the V. Danilova’s lyrics in the projection on the poetic experience of the Silver Age. The theoretical basis was the works of V. N. Toporov, Yu. M. Lotman, S. P. Gurin, N. V. Schmidt, and others. The material for the analysis was the most representative poems of Danilova’s collections: “Only you ...” (1992—1996), “Heavenly Hell” (2005), “Lunar Legend” (2010), containing direct or indirect indications of the presence of “urban” semantics in the title, at the level of motive-shaped structure or in subtext. It was found that the “urban text” in the lyrics of the Evenk poetess is represented both by concrete cultural and historical realities, and by a certain conventional topos, not tied either to time or space. The poets of the Silver Age, belonging to different literary trends, became the creative guidelines for the author. It is proved that V. Danilova created a unique author’s model of the “urban text”, in which symbolist, acmeistic and futurist poetic experiences and national-cultural vision, conditioned by the ethnic authenticity of the author, were intertwined.

Key words:

Urban text; poetry of the Silver Age; innovation; Evenk poetry; lyrics; Varvara Danilova.

«Городской текст» в лирике Варвары Даниловой сквозь призму поэзии Серебряного века

© Чаунина Н. В., Бараханова Н. В., 2022

1. Введение = Introduction

Сохранение, аккумуляция, всестороннее изучение и популяризация исчезающего аутентичного наследия — ключевые задачи «Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока».

В связи с этим обозначилась потребность всестороннего анализа младописьменных литератур, в том числе в аспекте традиций и новаторства, позволяющем выявить авторскую индивидуальность национальных писателей. Одним из препятствий к осуществлению таких научных изысканий является ограниченность доступа к авторским текстам из-за малого тиража и затрудненности распространения.

Несмотря на существующие трудности, учеными-этнографами, лингвистами и литературоведами сделано немало для изучения основ художественного творчества представителей малочисленных народов Севера, особенностей развития и отражения в поэзии, прозе и драматургии самобытности народного мировоззрения, языка и культуры.

Так, например, в коллективной монографии «Становление поэтики эпических форм в отечественной литературе XX века» [Становление ..., 2020] представлен анализ хронотопических особенностей прозы малочисленных этносов Севера и Дальнего Востока в сопоставлении с русской литературой, в статье Ю. Г. Хазанкович «Современная поэзия малочисленных народов Севера: опыт рецепции творчества С. Есенина» [Хазанкович, 2017] продемонстрированы переклички лирических текстов национальных поэтов Севера со стихами Есенина на тематическом и мотивно-образном уровнях. В поле зрения ученых находится долганская [Хазанкович и др., 2015], юкагирская [Огорокова, 2012], эвенская [Винокурова и др., 2020] поэзия. В работах Е. Меркель и Н. Чауниной в фокусе исследований оказались особенности адресованных жанров, тематическое своеобразие и специфика образной системы лирики русскоязычной эвенкийской поэтессы Варвары Даниловой [Меркель и др., 2021].

Актуальность темы нашего исследования обусловлена сохраняющейся потребностью всестороннего изучения младописьменных литератур,

в том числе в аспекте анализа преемственных связей с русской литературной традицией.

Новизна работы заключается в попытке рассмотрения феномена «городской текст» в лирике современной эвенкийской поэтессы Варвары Даниловой в сопоставлении с поэтической традицией Серебряного века.

2. Материал, методы, обзор = Material, methods, review

Творчество В. Даниловой являет собой уникальный сплав традиций русской поэзии и культуры эвенкийского народа. Художественными ориентирами для В. Даниловой стали великие творцы Серебряного века, аллюзии на тексты которых обнаруживаются в ее стихах, см., например, [Хазанкович, 2017]. Опираясь на опыт предшественников, В. Данилова посвоему преломляет его в творчестве, дополняя индивидуально-авторскими деталями, которые во многом обусловлены национальной принадлежностью и спецификой культуры и быта ее народа. Одной из особенностей лирики эвенкийской поэтессы является «городской текст», возникший на стыке русской и эвенкийской культурных традиций.

К образу города в разные периоды своего творчества обращался почти каждый значительный поэт XX века, что было обусловлено стремительным развитием городской цивилизации как в положительном, так и в отрицательном ключе.

Несмотря на многочисленность подходов и трактовок феномена «город» в художественном тексте, исследователи сходятся в том, что это объемная и многозначная культурологическая единица. Об этом говорится, например, в работах Ю. М. Лотмана [Лотман, 1992, 2000], В. Н. Топорова [Топоров, 1987, 1988], С. П. Гурина [Гурин], Вяч. Вс. Иванова [Иванов, 1999], Н. В. Шмидт [Шмидт, 2008], В. Г. Ильина [Ильин, 2002] и др. По словам Ю. Лотмана, «город как сложный семиотический механизм, генератор культуры <...> представляет собой котел текстов и кодов, разноразнообразных и гетерогенных, принадлежащих разным языкам и разным уровням. Именно принципиальный семиотический полиглотизм любого города делает его полем разноразнообразных и в других условиях невозможных семиотических коллизий. Реализуя стыковку различных национальных, социальных, стилевых кодов и текстов, город осуществляет разнообразные гибридизации, перекодировки, семиотические переводы, которые превращают его в мощный генератор новой информации» [Лотман, 1984, с. 35].

Город, таким образом, выступает носителем закодированной историко-культурной информации, преломленной через авторское сознание и личный опыт. С одной стороны, это — порождение человеческого гения, отражение современности, с другой стороны, город формирует человека,

живущего в нем, накладывая свой неповторимый отпечаток на образ мыслей, характер и деятельность.

Город — это способ окультуривания и механического упорядочивания глобального пространства, введение рукотворного измерения в природный мир. Городское пространство видоизменяет естественную, изначальную среду обитания человека специфическими культурными элементами и координатами, структурой, архитектурой, свойствами, которые делают его принципиально новой, знаково насыщенной средой человеческого существования.

При анализе организации урбанистического пространства в художественном тексте обращает на себя внимание факт наличия нескольких моделей расположения городов. Одни находятся на возвышенности или на горе, словно «связывая» небо и землю. Такой тип города, согласно представлениям, как правило, создан богами, он имеет начало, но не имеет конца — это аналог «вечного города». В противоположность ему другой тип города расположен на окраине, на границах. В его изображении отсутствует вертикальное соотношение неба и земли, но прослеживается горизонталь «новое», «городское», «цивилизованное», «искусственно созданное» / «свое», «естественное», «природное». Таким городам зачастую предсказана обреченность и гибель через торжество стихий [Лютман, 1984, с. 30—45].

Примечательно, что городской топос, располагаясь горизонтально на поверхности земли, всегда устремлен вверх многоэтажными строениями, куполами церквей [Гурин]. Город структурирует пространство, концентрирует материальные ресурсы и непреходящие сакральные ценности. В рамках урбанистического пространства выстраивается цивилизация, формируется культура и творится история, располагаются духовная и светская власти. В этом контексте «городской текст» наполняется сакральным смыслом. Выстроенное руками человека пространство успешно противостоит внешним силам природы и пытается привнести внутреннюю гармонию в отношения человека и природы.

Город имеет различные формы представления: жилые дома, строения, переулки, символические атрибуты (рестораны, фонари, вывески и т. п.) [Стародубцева, 1993, с. 213—226]. Именно в городе происходит концентрация человеческих масс и сил. Горожанин, его восприятие окружающей среды — неотъемлемая часть «городского текста».

Так что же такое «городской текст»?

Это понятие до сих пор не получило должной системной разработки, однако «в разного рода исследованиях фигурируют такие (уже ставшие привычными) термины, как “петербургский текст”, “московский текст”, “крымский текст”» и т. п. [Шмидт, 2008, с. 4]. Н. В. Шмидт рассматривает авторский «городской текст» как «комплекс образов, мотивов, сюжетов, которые

воплощают специфическую модель городского бытия и характеризуются единой системой средств художественного выражения» [Там же, с. 11].

С целью определения и описания особенностей «городского текста» В. Даниловой в данной статье были использованы структурно-семантический, интертекстуальный, герменевтический методы исследования, в ряде случаев применен биографический комментарий. Для анализа выбраны наиболее репрезентативные стихотворения сборников В. Даниловой «Только ты...» (1992—1996), «Райский ад» (2005), «Лунная легенда» (2010).

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. «Городской текст» В. Даниловой и опыт поэтов-акмеистов

Одним из ключевых в стихотворениях эвенкийской поэтессы является образ Москвы. С этим городом автора связывают воспоминания о годах учебы в Литературном институте им. А. М. Горького, отсюда ностальгические настроения в ее «московских» текстах.

Обратимся к стихотворению «Углями остывающего жара». С первых строк автор нас погружает в атмосферу уютного дома с потрескивающим камином, у которого расположилась лирическая героиня — сама Москва.

Поэтесса делает акцент на женской природе образа, подчеркивая его особую магическую силу. Атмосфера задумчивости словно замедляет лирическое повествование, напоминая медитативное погружение в прошлое: Углями остывающего жара / В ночном камине осени Москва, / Подогреваясь лиственным отваром, / Раскуривает трубкою слова. / И вспоминает молодые липы / В еще никем, не названном саду. / И тайные предродовые всхлипы. / В тележной хляби ... немоту [Данилова, 1992—1996, с. 14].

Москва здесь словно шаманка, заглядывающая в прошлое и отмеряющая будущее: И сказы эти на годичных кольцах / Закрутит на древесные стволы [Там же]. Образ догорающего камина дополняет мистическую картину: как известно, у эвенков огонь является посредником между человеком и миром духов. Существуют обряды, связанные с кормлением огня в знак благодарности или для привлечения удачи, везения в охоте или другом промысле. «В представлениях и обрядах, связанных с культом огня, он выступает, с одной стороны, как хозяин и глава семьи или рода, а с другой — как хранитель душ членов этой семьи и рода» [Мазин, 1984, с. 13]. Окуривание дымом также имеет священное значение — очищает от злых духов, избавляет от болезней и неудачи. Совершать обряды могут только женщины, хозяйки дома или старшие в роду. Именно старшие женщины рода просят духов о благорасположении в весенних и осенних обрядах, посвященных прилету и отлету птиц [Варламова, 2002, с. 134—135].

В этом стихотворении автор трансформирует городскую реальность, перенося ее на иной, метафизический уровень. Мы обнаруживаем и идеи цикличности жизни (смена времен года, годовые кольца на деревьях), связи времен, предугадывания будущего. Предполагаем наличие аллюзий на топоним райского («еще не названного») сада, что, в свою очередь, позволяет прочитывать стихотворение в мифологических координатах. Москва словно стоит у истоков зарождения мира и человека.

Здесь мы можем говорить о персонализации и антропоморфизме образа столицы. Явных знаковых «культурных» примет города здесь нет: «городской текст» выстроен в параметрах некоей сверхреальности, в которой сочетается явь и видения из другой жизни. Поэтесса воссоздает не реальный облик Москвы, а, скорее, ее священную ипостась — прародительницы рода.

Похожую картину мы обнаруживаем в художественной практике поэта-акмеиста Н. С. Гумилева. Например, в стихотворении «Флоренция» очевидны отсылки к историческому прошлому города, знаковым событиям из жизни гениев Возрождения — Леонардо да Винчи и Данте Алигьери [Гумилев, 1999, с. 419], а «Рим» воспроизводит легенду о Капитолийской волчице и ее воспитанниках: *И город цезарей дивных, / Святых и великих пап, / Он крепко следом призывных, / Косматых звериных лап* [Там же, с. 220].

В стихотворении «Дворик» наблюдаем более «предметную» картину. Образ Москвы представлен через ассоциативный ряд: дворик — дворник — грустный осенний пейзаж — озорной ветер — поэт, нелепый, одинокий, никем не понятый [Данилова, 2005, с. 6]. Дополняют меланхолическую картину «запинки» слез, истрепанные ветлы — проводники к ушедшим душам. Снова мы наблюдаем ситуацию перехода в ирреальность, но автор только обозначает направление пути, не переступая опасную черту.

Стихотворение имеет подзаголовок «Литературный институт им. А. М. Горького» — это еще один тайный код прочтения стихотворения. Второе название института — дом Герцена. В пристройке к нему располагалось общежитие — обиталище писателей и поэтов. Здесь жил Андрей Платонов, которого не раз замечали с метлой в руке и принимали за дворника [Крамов, 2010]. В этой связи образ дворника приобретает иное прочтение. Возможно, именно он и есть тот поэт, который «шептал липам» стихи. Все пространство «литературного дворика» пропитано атмосферой творчества, а природа словно муза-соучастница поэта.

В этом тексте слышится отголосок ахматовского стихотворения «Смуглый отрок бродил по аллеям ...»: *Смуглый отрок бродил по аллеям, / У озерных грустил берегов, / И столетие мы лелеем / Еле слышный шелест шагов. / Иглы сосен густо и колко / Устилают низкие пни ... / Здесь лежала его треуголка / И растрепанный том Парни* [Ахматова, 1999,

с. 26—27]. Поэтесса делает акцент не на урбанистических деталях города, заявленного в названии цикла («Царское село»), а на значимых предметах и местах, хранящих память о великом поэте — А. С. Пушкине. Так же делает и В. Данилова.

Стихотворение «Москва» имеет в заголовке упоминание столицы, но сам текст строится как воспоминание о романтическом увлечении, мысли о котором «рождают слова». Москва здесь — муза, дарящая любовь и вдохновение: *Моя прохладная Москва / Мне снова дарит вдохновенье. / И вновь рождаются слова, / Любовь и страх прикосновенья...* [Данилова, 2005, с. 9].

Интересна пространственная антитеза «там — здесь». Там — суета, холод, здесь — жар сердца, страсть. Москва — центр, место концентрации романтической и творческой энергии. Таким образом, город становится неким катализатором эмоционального состояния лирической героини, балансирующего между ожиданием «звездного успеха» и страхом новых открытий (ср. у Ахматовой «О, это был прохладный день ...» [Ахматова, 1999, с. 79], «Божий Ангел, зимним утром ...» [Там же, с. 88]).

Тот же принцип создания «городского текста» мы обнаруживаем в стихотворении «Нерюнгри»: *Какая глупая метель! / Как понедельник после драки. / Снег под ногами закрипел, / Вминаясь в отпечаток типографский. / В хрустальной ветке спит весна. / И робкий луч грустит в снежинках. / И утро всё в кусочках льда / И на усах, и на щетинках* [Данилова, 2005, с. 14].

Только заголовок задает координаты прочтения текста, сам же текст представляет собой пейзажную зарисовку, что подчеркивает «природную» сущность якутского города. Приметами «городского текста» становятся универсальные «зимние» образы: метель, скрипящий под ногами снег, хрустальная (обледеневшая) ветка, снежинки, кусочки льда. Использование слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами несет дополнительные коннотации «одомашнивания» и ностальгии по родным местам.

Схожую оценку обжитого человеком пространства мы обнаруживаем и в стихотворении «Синск». С одной стороны, урбанистическая реальность, на которую указывают конкретные атрибуты (электростанция, электричество), оказывается родственной для лирической героини, которая «телесно» связана с обжитым пространством. Но, с другой стороны, это место становится враждебным началом по отношению к естественному состоянию человека — «природному» (ср.: *Синь в молоке растает мутно / И в окнах загорится свет* [Там же, с. 45]).

Двойственный ракурс восприятия и воспроизведения топоса (урбанистические реалии в сочетании и переплетении с сельскими реалиями) приводит к тому, что конкретные урбанистические черты словно «стираются». Интересным дополнением к словесному выражению атмосферы цивили-

зации становится четкий ритм стиха, напоминающий динамичный стук колес (Синск возник как станция Иркутско-Якутского почтового тракта): Электростанции не слышно... / Колосники гудят в печи. / Метель сугроб взбивает пышный / И под полозьями скворчит [Там же].

Включение в текст деталей городского топоса не является самоцелью творчества поэтессы. Это лишь отправная точка развертывания лирической эмоции, ассоциативный узел, высвобождающий поток воспоминаний о значимых событиях.

3.2. Футуристические акценты городского топоса в поэзии Даниловой

Иначе воссоздается автором образ освоенного человеком пространства города в стихотворении «Кимберлит (Мирному)» [Там же, с. 34]. В тексте используются знаковые детали-характеристики, воссоздающие топос. Так, говоря о городе Мирный, месте добычи алмазов, поэтесса строит повествование как мистический рассказ о появлении драгоценного минерала из недр черной земли.

Здесь место живой природы занимает черный неподвижный камень, мертвые снежинки, хлипкое, тусклое мерцание луны. Безжизненная земля, освещенная холодным светом фонаря, рождает новую жизнь, сверкающую, смелую, своим появлением она бросает вызов небесам: *Name! Любуйтесь своим отражением звезды! / Пусть возликует рыданьем седой Океан. / Страсть подземной, своим откровением слезным / Грозно смывая следы несуществующих стран!* [Там же]. В этих восклицаниях мы слышим голос великого урбаниста В. В. Маяковского: *Через час отсюда в чистый переулок / вытечет по человеку ваш обрюзгший жир, / а я вам открыл столько стихов шкатулок, / я — бесценных слов мот и транжир* [Маяковский, 1987, с. 50]. Здесь очевидно сопоставление природного и поэтического «сокровища», рождающегося в муках и отданного человечеству.

Лирическое повествование разворачивается в трех мирах: начинается в безжизненном среднем, потом проникает в недра земли и в завершение вырывается на поверхность, устремляясь к звездам. Подобная трехуровневая структура является прямым указанием на строение картины мира эвенкийского народа. Автор творит свой этиологический миф о происхождении алмаза — символа города Мирный.

Таким образом, и здесь В. Данилова использует природно-топосные характеристики для изображения провинциального промышленного северного города. Действие разворачивается в «урбанистическом» времени, в новом техногенном контексте, выражением которого становится именно город. Здесь нет человека, есть дикая природа и ее несметные, скрытые от непосвященных глаз сокровища [Домников, 2002, с. 42].

3.3. Опыт символистов в поэтическом облике города В. Даниловой

Отдельного внимания заслуживает стихотворение «Городок». С первых строк автор по-блоковски скептически обрисовывает контуры современного урбанистического пространства: «серенький город», ошипанная шавка, газетная простынка, «кислым пивом слегка обдаёт ветерок» и т. д. [Данилова, 2005, с. 23] (ср., например, стихотворения А. Блока «Незнакомка» [Блок, 1988, с. 148], «В кабаках, в переулках, в извивах...» [Там же, с. 139], «Петр» [Там же, с. 136]). С приходом вечера в городе начинается другая жизнь, подобная представлению театра теней, главную роль в котором исполняет луна. Ее антропоморфный образ — аллюзия на таинственную деву из «Незнакомки» Блока: она также призрачна, отдалена, контрастно противопоставлена пошлому миру «пройдох».

В широком смысле образ «городка» В. Даниловой вписывается в парадигму художественных воплощений архетипа «падшего города». Как отмечал В. Н. Топоров, «сознанию вчерашних скотоводов и земледельцев предносятся два образа города, два полюса возможного развития этой идеи — город проклятый, падший и развращенный, город над бездной и город-бездна, ожидающий небесных кар, и город преображенный и прославленный, новый град, спустившийся с неба на землю» [Топоров, 1987, с. 122]. В системе традиционных городских архетипов прообразом первых является Вавилон, вторых — Иерусалим.

В. Данилова в стихотворении «Иерусалим» подчеркивает, что грешная природа цивилизации несовместима со святостью. Попадая в пространство небесного Иерусалима «... выше белоснежных облаков», оставив под собой реалии «недостроенных мостов», «ледниковая душа» лирической героини «тает», очищается от земной скверны [Данилова, 2010, с. 23]. «Нестареющие люди» — жители небесного города — явно ассоциируются с божественными ангелами. Посетив небесный город, лирическая героиня возвращается на землю «теплым шагом, не спеша», в умиротворенном душевном состоянии. Обилие многоточий в строфах усиливает ощущение неспешности движений и мыслей. Таким образом, можно говорить об очистительной силе этого священного места, его буквально гипнотическом воздействии.

4. Заключение = Conclusions

Проведенный анализ лирики В. Даниловой позволяет утверждать, что «городской текст» эвенкийской поэтессы представлен как конкретными культурно-историческими реалиями, так и условным топосом, не привязанным ни ко времени, ни к пространству. Творческими ориентирами для автора стали поэты Серебряного века, принадлежащие к разным литературным направлениям.

Так, следуя за младосимволистом-Блоком, В. Данилова воссоздает облик «падшего города» уничижительными деталями-штрихами («Городок»). Подобно поэтам-акмеистам, В. Данилова реализует широкий спектр «городского текста» — рукотворного аналога природы: от реалий городов, отображающих культуру и историю, к сакральному городу-символу, воплощающему, скорее, духовное путешествие через хронотоп («Синск», «Иерусалим»). В единичных текстах город освобожден от социально-бытовой конкретики, представлен как культурный, сакральный образ и осмысливается в мифопоэтическом ключе («Углями остывающего жара», «Иерусалим»). Оппозиция природы и цивилизации, которая то представлена обостренно, то нивелируется в рамках одного пространства, также позволяет говорить о продолжении традиций акмеистов. Отсылка к Маяковскому («Кимберлит») видится, скорее, ярким акцентом, смысловым пятном, выделяющим проблему отношения к природным богатствам, нежели проработкой футуристического опыта.

Обращает на себя внимание и тот факт, что В. Данилова не единожды выносит название города в заглавие стихотворений («Москва», «Нерюнгри», «Киев», «Иерусалим» и др.), так поэтесса ориентирует читателя на «урбанистическое» прочтение текстов, создавая определенные топографические ассоциации, дополняющие лирические эмоции.

Принцип отбора топосов поэтессой обусловлен территориальной принадлежностью Республике Саха, на просторах которой исторически жили эвенки (Мирный, Нерюнгри), а также историческим и культурным величием объектов (Москва, Иерусалим).

Таким образом, мы можем говорить о создании авторского «городского текста». Этот феномен, с одной стороны, гармонично вписывается в контекст поэзии Серебряного века, с другой стороны, обладает уникальными национально-культурными особенностями, обусловленными этнической принадлежностью В. Даниловой.

Источники

1. *Ахматова А. А.* Сочинения в двух томах / А. Ахматова. — Москва : Цитадель, 1999. — Т. 1. — 448 с. — ISBN 5-7657-0072-1.
2. *Блок А.* Лирика / А. Блок ; вступ. ст. К. И. Чуковского ; сост. и коммент. В. Г. Фридлянд. — Москва : Правда, 1988. — 416 с.
3. *Гумилев Н. С.* Избранное / Н. С. Гумилев. — Предисл., составл., примеч. О. А. Дорофеева. — Москва : «РИПОЛ КЛАССИК», 1999. — 592 с. — ISBN 5-7905-0324-1.
4. *Данилова В. В.* Райский ад : стихи / В. В. Данилова. — Якутск : Бичик, 2005. — 64 с. — ISBN 5-7696-2359-4.
5. *Данилова В. В.* Только ты ... : Сборник стихов 1992—1996 / В. В. Данилова. — Нерюнгри(?) : авторское издание. — 70 с.
6. *Данилова В. В.* Лунная легенда : рассказы, стихи, статьи / В. В. Данилова. — Якутск : Бичик, 2010. — 64 с. — ISBN 978-5-7696-3315-7.

7. *Маяковский В. В.* Сочинения в двух томах / В. В. Маяковский ; сост. Ал. Михайлова ; вступ. ст. А. Метченко ; прим. А. Ушакова. — Москва : Правда, 1987. — Т. I. — 768 с.

Литература

1. *Бологова М. А.* Литературы коренных народов Сибири в аспекте теоретической и исторической поэтики / М. А. Бологова, Л. С. Дампилова, И. С. Полторацкий, И. В. Силантьев, Н. Н. Широкова // *Филология и человек*. — 2014. — № 3. — С. 57—64.

2. *Варламова Г. И.* Эпические и обрядовые жанры эвенкийского фольклора / Г. И. Варламова (Кэптукэ) ; отв. ред. А. Н. Мыреева ; Рос. акад. наук. Сиб. отд-ние. Ин-т проблем малочисл. народов Севера. — Новосибирск : Наука, 2002. — 376 с. — ISBN 5-02-031856-6.

3. *Винокурова А. А.* Женская лирика в эвенской поэзии / А. А. Винокурова, С. И. Егорова, Е. Н. Белолубская // *Филология : научные исследования*. — 2020. — № 12. — С. 71—85. — DOI: 10.7256/2454-0749.2020.12.34561.

4. *Гурин С. П.* Образ города в культуре : метафизические и мистические аспекты [Электронный ресурс] / С. П. Гурин. — Режим доступа : http://www.comk.ru/HTML/gurin_doc.htm (дата обращения 13.09.2021).

5. *Домников С. Д.* Мать-земля и Царь-город : Россия как традиционное общество / С. Д. Домников. — Москва : Алетея, 2002. — 671 с. — ISBN 5-89321-096-4.

6. *Иванов Вяч. Вс.* Нечет и чет : Асимметрия мозга и динамика знаковых систем / Вяч. Вс. Иванов // *Избранные труды по истории и семиотике культуры*. — Москва : «Советское радио», 1999. — Т. 1. — С. 407—409.

7. *Ильин В. Г.* Город : Образ, концепт, реальность / В. Г. Ильин. — Ростов-на-Дону, 2002. — 246 с. — ISBN 5-9275-0122-2.

8. *Крамов И.* Над страницами книг и в живых диалогах / И. Крамов // *Континент*. — 2010. — № 145. — С. 413—453.

9. *Лотман Ю. М.* Культура и взрыв / Ю. М. Лотман. — Москва : Гнозис, 1992. — 272 с. — ISBN 5-01-003843-9.

10. *Лотман Ю. М.* Символика Петербурга / Ю. М. Лотман // *Семиосфера*. — Санкт-Петербург : Искусство, 2000. — С. 320—334. — ISBN 5-210-01562-9.

11. *Лотман Ю. М.* Символика Петербурга и проблемы семиотики города / Ю. М. Лотман // *Труды по знаковым системам*. — 1984. — Выпуск 18. — С. 30—45.

12. *Мазин А. И.* Традиционные верования и обряды эвенков-орочонов (конец XIX — начало XX в.) / А. И. Мазин ; Отв. ред. Е. И. Деревянко ; АН СССР, Сиб. отд-ние, Институт истории, филологии и философии. — Новосибирск : Наука, 1984. — 200 с. — ISBN 5-02-029786-0.

13. *Меркель Е. В.* Адресация в сборнике Варвары Даниловой «Райский ад» / Е. В. Меркель, Н. В. Чаунина // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. — 2020. — № 12. — С. 374—378. — doi.org/10.30853/finnauki.2020.12.75.

14. *Меркель Е. В.* Тематический анализ лирики Варвары Даниловой / Е. В. Меркель, Н. В. Чаунина // *Вестник ВУиТ*. — 2021. — № 1 (34). — С. 21—28. — DOI: 10.51965/2076-7919-2021-1-1-21.

15. *Окорокова В. Б.* Поэтический мир Улуро Адо / В. Б. Окорокова // *Гуманитарный вектор*. Серия : Философия, культурология. — 2012. — № 3. — С. 152—157.

16. *Становление поэтики эпических форм в отечественной литературе XX века : монография* / А. И. Ощепкова, Л. И. Румянцева, С. Ф. Желобцова [и др.]. — Чебоксары : ИД «Среда», 2020. — 128 с. — ISBN 978-5-907313-68-2.

17. Стародубцева Л. В метафизических ландшафтах города / Л. Стародубцева // Философская и социологическая мысль. — 1993. — № 9—10. — С. 213—226.
18. Топоров В. Н. Заметки по реконструкции текстов. Текст города-девы и города-блудницы в мифологическом аспекте / В. Н. Топоров // Исследования по структуре текста. — Москва : Наука, 1987. — С. 121—132.
19. Топоров В. Н. Мифопоэтическая модель мира / В. Н. Топоров // Мифы народов мира. Энциклопедия : В 2 т. — Москва : «Советская энциклопедия», 1988. Т. 2. — С. 161—164. — ISBN 978-5-358-04212-4.
20. Хазанкович Ю. Г. Поэзия долган Якутии : традиции и поэтика / Ю. Г. Хазанкович, Е. А. Архипова // Вестник БГУ. Язык, литература, культура. — 2015. — № S10. — С. 226—229.
21. Хазанкович Ю. Г. Современная поэзия малочисленных народов Севера : опыт рецепции творчества С. Есенина / Ю. Г. Хазанкович // Вестник Бурятского государственного университета. — 2017. — № 6. — С. 158—162. — DOI: 10.18101/1994-0866-2017-6-158-162.
22. Шмидт Н. В. Из истории городского текста : Город-миф в поэтической традиции Серебряного века / Н. В. Шмидт. — Москва : Планета, 2008. — 202 с.

Material resources

- Akhmatova, A. A. (1999). *Essays in two volumes, I*. Moscow: Citadel. 448 p. ISBN 5-7657-0072-1. (In Russ.).
- Blok, A. (1988). *Lyrica*. Moscow: Pravda. 416 p. (In Russ.).
- Danilova, V. V. (2005). *Paradise hell: poems*. Yakutsk: Bichik. 64 p. ISBN 5-7696-2359-4. (In Russ.).
- Danilova, V. V. (2010). *Lunar legend: stories, poems, articles*. Yakutsk: Bichik. 64 p. ISBN 978-5-7696-3315-7. (In Russ.).
- Danilova, V. V. *Only you ...: Collection of poems 1992—1996*. Neryungri(?): author's edition. 70 p. (In Russ.).
- Gumilev, N. S. (1999). *Favorites*. Moscow: "RIPOL CLASSIC". 592 p. ISBN 5-7905-0324-1. (In Russ.).
- Mayakovsky, V. V. (1987). *Works in two volumes, I*. Moscow: Pravda. 768 p. (In Russ.).

References

- Bologova, M. A., Dampilova, L. S., Poltoratsky, I. S., Silantyev, I. V., Shirobokova, N. N. (2014). Literature of the indigenous peoples of Siberia in the aspect of theoretical and historical poetics. *Philology and man*, 3: 57—64. (In Russ.).
- Domnikov, S. D. (2002). *Mother Earth and Tsar City: Russia as a traditional society*. Moscow: Aleteya. 671 p. ISBN 5-89321-096-4. (In Russ.).
- Gurin, S. P. *The image of the city in culture: metaphysical and mystical aspects*. Available at: http://www.comk.ru/HTML/gurin_doc.htm (accessed 13.09.2021). (In Russ.).
- Ilyin, V. G. (2002). *City: Image, concept, reality*. Rostov-on-Don. 246 p. ISBN 5-9275-0122-2. (In Russ.).
- Ivanov, Vyach. Vs. (1999). Odd and odd: Brain asymmetry and dynamics of sign systems. In: *Selected works on the history and semiotics of culture, 1*. Moscow: "Soviet Radio". 407—409. (In Russ.).
- Khazankovich, Yu. G., Arkhipova, E. A. (2015). Poetry of the Dolgans of Yakutia: traditions and poetics. *Bulletin of BSU. Language, literature, culture, S10*: 226—229. (In Russ.).

- Khazankovich, Yu. G. (2017). Modern poetry of the small peoples of the North: the experience of reception of creativity With Yesenina. *Bulletin of the Buryat State University*, 6: 158—162. DOI: 10.18101/1994-0866-2017-6-158-162. (In Russ.).
- Kramov, I. (2010). Over the pages of books and in live dialogues. *Continent*, 145: 413—453. (In Russ.).
- Krzhizhanovsky, S. (1994). “Countries that do not exist”. *Articles about literature and theater. Notebooks*. Moscow: Radiks. 156 p. ISBN 5-86463-007-1. (In Russ.).
- Lotman, Yu. M. (1984). Symbolism of St. Petersburg and problems of semiotics of the city. In: *Works on sign systems*, 18: 30—45. (In Russ.).
- Lotman, Yu. M. (1992). *Culture and explosion*. Moscow: Gnosis. 272 p. ISBN 5-01-003843-9. (In Russ.).
- Lotman, Yu. M. (2000). Symbolism of St. Petersburg. In: *Semiosphere*. Saint Petersburg: Iskustvo. 320—334. ISBN 5-210-01562-9. (In Russ.).
- Mazin, A. I. (1984). *Traditional beliefs and rituals of the Evenks-Orochons (late XIX — early XX century)*. USSR Academy of Sciences, Siberian Branch, Institute of History, Philology and Philosophy. Novosibirsk: Nauka. 200 p. ISBN 5-02-029786-0. (In Russ.).
- Merkel, E. V., Chaunina, N. V. (2020). Addressing in the collection of Varvara Danilova “Paradise hell”. *Philological sciences. Questions of theory and practice*, 12: 374—378. — doi.org/10.30853/filnauki.2020.12.75. (In Russ.).
- Merkel, E. V., Chaunina, N. V. (2021). Thematic analysis of Varvara Danilova’s lyrics. *Vestnik VUiT*, 1 (34): 21—28. DOI: 10.51965/2076-7919-2021-1-1-21. (In Russ.).
- Okorokova, V. B. (2012). The poetic world of Uluro Ado. *Humanitarian vector. Series: Philosophy, Cultural Studies*, 3: 152—157. (In Russ.).
- Schmidt, N. V. (2008). *From the History of the Urban Text: The Myth City in the Poetic tradition of the Silver Age*. Moscow: Planeta. 202 p. (In Russ.).
- Starodubtseva, L. (1993). In the metaphysical landscapes of the city. *Philosophical and sociological thought*, 9—10: 213—226. (In Russ.).
- The formation of the poetics of epic forms in the Russian literature of the twentieth century: monograph*. (2020). Cheboksary: Publishing house “Environment”. 128 p. ISBN 978-5-907313-68-2. (In Russ.).
- Toporov, V. N. (1987). Notes on the reconstruction of texts. The text of the virgin city and the harlot city in the mythological aspect. In: *Studies on the structure of the text*. Moscow: Nauka. 121—132. (In Russ.).
- Toporov, V. N. (1988). Mythopoetic model of the world. Myths of the peoples of the world. In: *Encyclopedia: In 2 volumes*, 2. Moscow: “Soviet Encyclopedia”. 161—164. ISBN 978-5-358-04212-4. (In Russ.).
- Varlamova, G. I. (2002). *Epic and ritual genres of Evenk folklore*. Novosibirsk: Nauka. 376 p. ISBN 5-02-031856-6. (In Russ.).
- Vinokurova, A. A., Egorova, S. I., Belolyubskaya, E. N. (2020). Women’s lyrics in Even poetry. *Philology: scientific research*, 12: 71—85. DOI: 10.7256/2454-0749.2020.12.34561. (In Russ.).